

UNIwersytet WArmińsko-MAZurski w OLSZTYNIE
UNIVERSITY OF WARMIA AND MAZURY IN OLSZTYN

PRZEGLĄD

WSCHODNIOEUROPEJSKI

VIII/1
2017

Wydawnictwo
Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego
w Olsztynie

Rada Programowa

Zbigniew Anculewicz (Olsztyn), Selim Chazbijewicz (Olsztyn),
Milosav Ćarkiĉ (Belgrad/Serbia), Jim Dingley (London/Wielka Brytania),
Victor Dönninghaus (Lüneberg/Niemcy), Włodzimierz Dubiczyński
(Charków/Ukraina), Michael Fleischer (Wrocław), Helmut Jachnow (Bochum/Niemcy),
Zoja Jaroszewicz-Pieresławcew (Olsztyn), Ēriks Jēkabsons (Ryga/Łotwa),
Aħła Kamałowa (Olsztyn), Andrzej de Lazari (Łódź), Piotr Majer (Olsztyn),
Adam Maldzis (Mińsk/Białoruś), Rimantas Miknys (Wilno/Litwa), Iwona Ndiaye
(Olsztyn), Aleksander Nikulin (Moskwa/Rosja), Alvydas Nikžentajtis (Wilno/Litwa),
Marek Melnyk (Olsztyn), Predrag Piper (Belgrad/Serbia), Zbigniew Puchajda (Olsztyn),
Andrzej Sitarski (Poznań), Aleś Smalanczuk (Grodno/Białoruś),
Ewa Starzyńska-Kościuszko (Olsztyn), Klaus Steinke (Erlangen/Niemcy, Kraków),
Henryk Stroński (Olsztyn), Andrzej Szmyt (Olsztyn), Józef Śliwiński (Olsztyn),
Daniel Weiss (Zürich/Szwajcaria), Alexander Zholkovsky (Los-Angeles/USA),
Bogusław Żyłko (Gdańsk)

Adres redakcji

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
Centrum Badań Europy Wschodniej
ul. Kurta Obitzta 1, 10-725 Olsztyn
tel. ++48 602175802, fax ++48 89 5351486 (87)
e-mail: komunikacjam@uwm.edu.pl
<http://www.uwm.edu.pl/cbew/p.wschodnioeuropejski.html>

Spis treści

HISTORIA

VLADIMIR SHAIUROV (Saint Petersburg)	
The Siberian Polonia in the second half of the 19th – early 20th century in the Polish historiography	11
DARIUSZ RADZIWIŁOWICZ (Olsztyn)	
Żołnierze 5 Dywizji Strzelców Polskich w bolszewickiej niewoli i ich repatriacja.....	23
Ирина Смирнова (Москва)	
Митрополит Московский Филарет и российская церковная политика в Восточной Сибири	45
Елена Прищепа (Ривне)	
Образовательно-культурные связи Вильны с учебными заведениями правобережной Украины в первой четверти XIX века	59
Иван Попп / Зульфия Зиннатуллина (Екатеринбург/Казань)	
Проекты губернаторов о преобразовании волостной юстиции: к вопросу создания всесословного местного суда	69
RAFAŁ CZASNOB (Polkowice)	
Wyzwania reformy samorządowej i procesu decentralizacji na Ukrainie po 1991 roku	79
ЕВГЕНИЯ Н. СТРОГАНОВА (Москва)	
Иван Ювачев: личное и публичное	91
ADRIAN KAROLAK (Łódź)	
Działalność Związku Patriotów Polskich w ZSRS w audycjach rozgłośni imienia Tadeusza Kościuszki	101

EKONOMIKA

АДАМ ОЛЕКСИУК (Olsztyn)	
Investment Level and Structure in the Region of Central and Eastern Europe and Barriers for Investment Growth Reported by Entrepreneurs in the Light of Findings of Own Survey Research	125
ZBIGNIEW KLIMIUK (Warszawa)	
Ekonomista z Wilna – dorobek naukowy Władysława Mariana Zawadzkiego	141

SPOŁECZEŃSTWO, KOMUNIKACJA

Элина Асриян (Ереван)	
Этнический и политический миф как фактор формирования общественного мнения	161
LIUDMILA BAEVA (Saint Petersburg)	
Values of Mediasphere and E-Culture	173
ALEKSANDER KIKLEWICZ (Olsztyn)	
Фрагментация текста как средство персуазивности в информационных интернет-сервисах	185

JĘZYK

ТАТЬЯНА ЩУКЛИНА (Казань) Прецедентные феномены как источник незуального словообразования в современных российских СМИ	209
KOSTIANTYN MIZIN / OLEXANDR PETROV (Ostrohrad/Kotsiubinsk) Metaphorical modelling of cognitive structure of the concept <i>STINGINESS</i> in British, German, Ukrainian and Russian linguocultures	219
GULNARA SUYUNOVA / OLGA ANDRYUCHSHENKO (Pavlodar) Regional urban studies as a promising trend in Kazakhstan linguistics	227
ГУЛЬЗИРА КУАТОВА / МАНАТ МУСАТАЕВА (Алматы) Репрезентация функционально-семантического поля футуральности в романе Виктора Пелевина «Омон Ра»	237

KULTURA, LITERATURA

АЛЕКСАНДРА ПЛЕТНЕВА (Москва) Уход за младенцами: практики, тексты и культурные конфликты	249
NATALIA TOMCZEWSKA-POROWYCZ (Katowice) Етнічний туризм та інші близькі форми туризму в східноєвропейській літературі	271
ТАТЬЯНА СЕМАШКО (Київ) Соматичний культурний код українців через призму перцептивної стереотипізації	281
ГУЗЕЛЬ ГОЛИКОВА / ИРИНА ХАИРОВА (Казань) «Маленький человек» в прозе Татьяны Толстой	289
MARTA ZAMBRZYSCA (Warszawa) Starość kobiecego ciała jako metafora społeczno-polityczna w zapisie video <i>Słoik zupy</i> Serhija Bratkowa	301

EDUKACJA

БИБИГУЛЬ АЛЬМУРЗАЕВА / ОРЫНКУЛЬ ШУНКЕЕВА / АЛТНАЙ ЖАЙТАПОВА (Актобе/Алматы) Создание образовательно-информационного технопарка как средство социализации сельских школьников	313
--	-----

RECENZJE, OMÓWIENIA, SPRAWOZDANIA

HENRYK STROŃSKI (Olsztyn) Zbrodnia doskonała, czyli ludobójstwo Polaków w ZSRR (artykuł recenzyjny)	327
ЛЮДМИЛА САФРОНОВА / АИДА НУРБАЕВА (Алматы) Повествование и наука о разуме. Storytelling and the sciences of mind	332
PAWEŁ PIETNOCZKA (Olsztyn) Międzynarodowa konferencja naukowa „25 lat niepodległości Ukrainy – próba bilansu”; Olsztyn, 6–7 października 2016 roku	338

АЛЕКСАНДРА ПЛЕТНЕВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

УХОД ЗА МЛАДЕНЦАМИ: ПРАКТИКИ, ТЕКСТЫ И КУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Baby care: practices, texts and cultural conflicts

Ключевые слова: бытовая культура, социальное дисциплинирование, культурная идентичность, социальный престиж, повседневные практики, этнография, социальная стратификация, гендер, история медицины, бытовая медицина, деторождение, грудное вскармливание, уход за младенцем

KEYWORDS: common culture, social disciplining, cultural identity, social prestige, everyday practices, ethnography, social stratification, gender, history of medicine, household medicine, childbirth, breastfeeding, baby care

ABSTRACT: To create the social history of Russia and the history of everyday life, one needs a description of local everyday practices. This article focuses on the everyday practices associated with the birth of a baby and care for it. The author proceeds from the fact that the 18th and 19th centuries in Russia saw the coexistence of two cultures and two household traditions – the culture of the educated classes and the peasant culture. At the level of everyday practices, they made a certain influence on each other. On the one hand, ethnographic materials were used as sources, and on the other hand – popular medical literature of the 19th century. The article analyzes the practices themselves and the mechanisms of their influence on each other, while it appears that the effect of the practices of educated social groups on people's life was a conscious Kulturtraeger activity. The influence of peasant household traditions on the lifestyle of educated classes was carried out primarily through direct impact. The ubiquity of nurses who belonged to a different social group than the child's parents, led to the fact that, despite the parents' resistance, peasant childcare practices (baby-rocking, pacifier, sleeping together, etc.) were used quite actively.

1. Медицинские рекомендации и социальное дисциплинирование

Повседневные практики часто оказываются той сферой, где передающиеся из поколения в поколение традиции вступают в конфликт, с одной стороны, с постоянно меняющейся модой, а с другой – с государственными программами, направленными на «перевоспитание» представителей низших сословий и приобщение их к новейшим достижениям цивилизации. Поэтому анализ повседневных практик совершенно необходим для исследования тех процессов

модернизации российского общества, которые начались в XVIII веке, а окончательно завершились в результате большевистской культурной революции. Объектом таких исследований могут быть медицинские практики, организация обучения грамоте, эволюция кулинарных рецептов и т.д. В настоящей статье речь пойдет о медицинских практиках, вернее, об одном их аспекте – родах и выхаживании младенцев.

Медицинские теории, адресованные широкой аудитории, имеют не только собственно медицинский, но и гуманитарный аспект. Популярная медико-санитарная пропаганда XIX – первой трети XX века представлена огромным массивом текстов, в которых была разработана собственная система аргументации и в которых использовались свои риторические приемы. При этом рекомендации по грудному вскармливанию общество воспринимает как некую рациональную стратегию, в то время как позитивистская рациональность этих рекомендаций и рецептов весьма сомнительна. Характерно, что ученые, к трудам которых апеллируют авторы большинства медицинских пособий, являются философами (в первую очередь, это Руссо и Локк), а не представителями естественных наук. Выработанные ими социологические схемы со временем получили статус медицинских предписаний, опирающихся на якобы точное знание, а не на умозрительные размышления об устройстве общества. Приведу лишь один пример. Первым противником тугого пеленания был Жан-Жак Руссо. Причины его борьбы с пеленанием в первую очередь были связаны с идеей воспитания свободной личности, которой, по мнению мыслителя, препятствовало любое ограничение свободы.

Вся наша житейская мудрость, – сетовал Руссо, – заключается в рабелпных предрассудках; все наши обычаи не что иное, как повиновение, стеснение и насилование. Человек рождается, живет и умирает в рабстве: при рождении его затягивают свивальниками; после смерти заколачивают в гроб; до тех пор, пока он сохраняет человеческий образ, он скован нашими учреждениями (Руссо 1866, 7).

Эту мысль Руссо пособия для молодых матерей повторяют уже более 250 лет, однако философские понятия «свобода» и «рабство» заменяются на практически понятные положения о необходимости свободно двигаться для лучшего физического развития. И это при том, что в пеленках выросло не одно поколение людей, и доказать, что эти люди были физически менее развиты, невозможно¹.

¹ Просматривая популярную медицинскую литературу XIX века, мы обнаруживаем огромное количество ссылок на философские сочинения. Так, например, Мария Манассеина начинает описание практик поведения во время беременности и ухода за младенцами с высказываний античных философов: «Платон и Аристотель подробно описывали, как должна себя вести беременная женщина, и замечательно, что их правила относительно жизни беременных во всем главным и существенном сходятся с тем, чему учат и лучшие акушеры настоящего времени» (Манассеина

Анализируя популярные медицинские сочинения второй половины XVIII–XIX вв., следует помнить, что их предписания нормируют практику социальных верхов, в то время как крестьянский быт регламентировался традициями, а не медицинскими книгами, которые в эту среду не проникали. Ниже мы увидим, что уход за младенцами в крестьянской среде существеннейшим образом отличался от ухода, принятого в дворянских семьях. Это объясняется не различием материального положения и связанных с ним возможностей, а разными исходными установками. Такие различия традиций и социальных практик не ограничиваются сферой ухода за новорожденными и имеют универсальный характер. Дело в том, что русское общество было сословным, и бытовые традиции представителей различных сословий не были похожи друг на друга. Несколько упрощая ситуацию, можно говорить о двух Россиях: России традиционной, прежде всего крестьянской, и России европеизированной, дворянской и разночинской. Лишь к началу XX в. намечается движение к сближению разных страт российского общества, но успехи этого движения были достаточно скромными, поскольку крестьянство – численно наиболее значительная часть населения страны – очень плохо поддавалось попыткам перевоспитания.

Отбирая источники, содержащие информацию о крестьянской и о дворянской практиках ухода за новорожденными, мы сталкиваемся с двумя разнородными информационными массивами. С одной стороны, у нас есть огромное количество книг и брошюр прескриптивного характера. Они содержат информацию об идеале, а не о реальной практике. Некоторую корректировку в эти описания вносят полемические выпады, фиксирующие «неправильную» практику. С другой стороны, мы имеем многочисленные этнографические свидетельства, важнейшее место среди которых занимают материалы

1870, 53). Автор ссылается на Пифагора, который «учил, что злые люди существуют на свете только вследствие дурного воспитания» (Манассеина 1870 с.1), на законы Ликурга (там же, 8), на китайские философские трактаты (там же, 8–9). Для подтверждения идеи, что воспитание определяет характер человека, приводятся ссылки на Канта, Локка, Гете, Гумбольдта, а также на современные автору немецкие сочинения по педагогике и философии (там же, 19). Другой автор, практикующий в Москве французский врач Николай Массе, критикуя русскую традицию тугого пеленания с использованием свивальника, обращается, как и положено в таких случаях, к авторитету Руссо: «Новорожденным детям необходимо расширение и движение членов для освобождения их от той оцепенелости, в которой были они столь долгое время во чреве матери, сомкнутые в клубок. Их вытягивают, это правда, за то их лишают возможности движения: кажется, их боятся видеть в образе живых существ. Сдавление внешних частей тела служит непреодолимым препятствием движениям младенца, необходимым при стремлении его к росту. Тщетны старания его выйти из этого невольнического состояния, они только истощают его силы и замедляют его развитие. Ему было более свободы и простора во чреве матери, нежели в этих тесных пеленках. Какая же польза ему в том, что он родился?» (Массе 1858, 25–27; ср. Руссо 1866, 7–8). Медицинская аргументация приводится здесь лишь в качестве дополнительной (Массе 1858, 27–29).

Этнографического бюро князя Тенишева². На основании таких источников производить сравнительный анализ непросто, поскольку для одной культурной страты мы имеем дело с прескриптивными текстами, описывающими идеал, а не реальность, а для другой – с этнографическими описаниями, то есть с взглядом постороннего наблюдателя. Тем не менее, описание оказывается возможным, поскольку популярные медицинские брошюры содержат полемику с традиционной практикой, а составители этнографических описаний, в свою очередь, не могут удержаться от оценок народной практики с позиций европейской медицины.

2. Особенности повседневных практик

В этом разделе мы рассмотрим, какое место в «народной» и «европеизированной» практике ухода за младенцем занимали соска, укачивание, мытье ребенка и закаливание.

2.1. Соска

Для крестьянской традиции соска – необходимый предмет ухода за новорожденным. Соска – это тряпочка с прореженными нитями, в которую завертывали жеваный хлеб или пряник и давали сосать младенцу. Соску давали младенцу сразу после рождения, потому что считали, что молозиво, вырабатывающееся у женщины в первые дни после родов, бесполезно для ребенка, а сосать ему необходимо хотя бы для того, чтобы очистить кишечник от первородного кала (Русские крестьяне V.4, 193, 213; VII.1, 47, 209). Кроме того, соска использовалась, когда мать отлучалась из дома, например, на полевые работы, а если ребенок рождался в летнее время, то мать довольно скоро принималась за работу, оставляя младенца на попечение няньки. Соска успокаивала малыша в перерывах между кормлениями и была распространена повсеместно (Русские крестьяне I, 252; V.2, 46). Считалось, что соска служит не только питанием, но и излечивает от грыжи (Александров и др. 2003, 514).

С соской последовательно боролись представители официальной медицины. Их не устраивала негигиеничность этого предмета. Кроме того, врачи считали, что новорожденный с соской получает ту пищу, которая ему категорически противопоказана в столь раннем возрасте (Буховцева 1882, 29). Соску объявляли причиной многих недомоганий и болезней, таких как

² Этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева активно действовало с 1897 по 1901 год. Задачей этого предприятия были организация и проведение массового сбора сведений о русском крестьянстве по специальной программе. Среди прочего в этой программе представлены вопросы медицинского и гигиенического характера.

молочница, колики, понос, плохой сон, худоба и т.д. Матерям, которые никак не могли обойтись без соски, авторы популярных книг советовали давать младенцу для сосания гуттаперчевый сосок от стеклянной бутылки (Михайлов 1888, 18–19). Эти не содержащие никакой пищи резиновые соски и стали называться «пустышками». Однако другие авторы считали, что нельзя давать и гуттаперчевый сосок.

Этот, по-видимому, невинный способ затыкать ребенку рот крайне вреден: ребенок производит им катар рта, постоянным сосанием и проглатыванием слюны и слизи вызывает рефлекторно ненормальное отделение желудочного сока и усиленный прилив крови к желудку, и, в конце концов, расстройство пищеварения (Буховцева 1882, 29).

В послереволюционный период аргументы, направленные против соски, отражают развитие микробиологии конца XIX в. Открытия Пастера и Коха добавляют в аргументную базу слово «микробы»³. Вот пример такой аргументации, построенный в вопросно-ответной форме (Свечарник 1929, 7):

Вопрос. Можно ли давать грудному ребенку жеваную соску с хлебом?

Ответ. Нельзя.

В. Почему?

О. Потому что желудок ребенка не может еще переварить хлеба и ребенок от жеваной соски только болеть будет. Кроме того, благодаря соске, ребенок часто заражается различными болезнями.

В. Откуда же зараза попадает в соску?

О. Зараза – это маленькие живые существа, которые называются микробами. Микробы очень маленькие, до того маленькие, что их даже просто глазом и не увидишь, а только с помощью увеличительных стекол. Микробы находятся повсюду – и на полу, и в воздухе, и на руках, особенно много их там, где грязно. Когда соска падает на пол или ее берут немытыми руками, к ней пристают микробы. Эту соску вместе с микробами суют в рот ребенку, а потом у него из-за этого ротик цветет, или живот болит, или другим чем-нибудь он заболит.

2.2. Детский сон (укачивание, колыбель, сон в одной кровати с матерью)

Крестьянский младенец спал в колыбели, по-другому она называлась «люлька» или «зыбка», «качалка». Конструкция колыбели могла быть различной. Это мог быть деревянный ящик, стенки которого расширялись кверху, это могла

³ Согласно данным национального корпуса русского языка слово «микроб» входит в употребление в 80-е годы XIX в. Одним из первых писателей это слово стал употреблять Глеб Успенский, причем в переносном значении («микроб ростовщичества»).

быть плетеная корзина или укрепленный на твердой раме холщовый мешок⁴. Колыбель подвешивалась к потолку на гибком шесте или просто на веревках и сверху, как пологом, накрывалась сарафаном матери. Основная конструктивная особенность колыбели заключалась в том, что она была предназначена для укачивания⁵. Характерно, что в словаре Даля это слово приведено в словарном гнезде при глаголе «колыбать» (Даль II, 144).

Крестьянская колыбель подвергалась осуждению дипломированных врачей прежде всего потому, что они считали, что укачивать ребенка крайне вредно.

Пусть у каждой матери не выходит из памяти, что закачиванием она приносит вред ребяческому мозгу в мягкой головке дитяти, а беспокоя ребяческий мозг качкой, можно сделать ребенка нездоровым, глупеньким. [...] Попробуйте сделать большую качалку, положите в нее взрослого человека и качайте его; и вы увидите, что некоторые и из взрослых не вынесут закачивания: у них закружится голова, их стошнит, а с некоторыми сделается дурнота и даже обморок. Так бывает со взрослыми людьми, которые гораздо сильнее и крепче ребенка. Как же не быть тому же с детьми? [...] Сильная качка одуряет ребенка и вгоняет его в беспамяństwo (Михайлов 1888, 21–22)⁶.

Кроме того, укачивание представлялось вредным еще и потому, что, укачивая младенца, невозможно было определить, отчего он на самом деле плачет.

Отчего бы ни кричал ребенок: от голода, жажды, от боли живота или неловкого положения – качаньем всегда можно, не устраняя причины крика, в полчаса-час привести ребенка в такое состояние, что он затихнет. Нормальный ли то будет сон или полуобморочное состояние, до этого нет никому дела (Буховцева 1882, 79).

Вместо подвешенной к потолку детской колыбельки врачи рекомендовали укладывать ребенка в стоящую на земле кровать (иногда ее также называли колыбелью)⁷. Предполагалось, что лучшая кровать – железная, поскольку

⁴ В некоторых случаях корреспонденты Тенишевского бюро отмечали, что колыбель из холстины предпочтительнее, так как в ней не заводятся клопы (Русские крестьяне VII.4, 112).

⁵ Об устройстве колыбели см. (Русские крестьяне I, 235, 252; V.2, 235, 362, 567; V.3, 506; V.4, 99, 158, 213; VII.1, 47, 165, 209; VII.4, 193).

⁶ О вреде укачивания писали не только русские врачи, но и их европейские коллеги. Так, в немецкой традиции тоже было распространено укачивание младенцев, с которым боролись прогрессивные врачи. Вред укачивания они объясняли тем, что к голове ребенка приливает кровь и это приводит к смертельным болезням мозга. К тому же опасным представлялось само устройство люльки, из которой ребенок мог выпасть (Маутнер 1856, 70).

⁷ Вот как, например, описывает детскую кровать врач, учившийся в Париже и имеющий практику в России: «Колыбель новорожденного младенца должна быть по преимуществу железная, если средства родителей позволяют это; во всяком же случае, из какого бы материала она ни была сделана, ее нужно обить внутри какою-либо плотной стеганой материей, чтобы предохранить младенца от толчков о стенки этой колыбели. Эта обивка имеет еще и ту выгоду, что защищает ребенка от холода. Она должна быть так прикреплена к стенкам, чтобы ее всегда было удобно снять, и из такой материи, которую бы можно было мыть, с тою целью, чтобы

это гигиенично (Лангштейн 1926, 53). Врачи также категорически отрицали возможность совместного сна матери и ребенка. Дело в том, что в крестьянской традиции ночью ребенок мог спать не в качающейся колыбели, а рядом с матерью (Русские крестьяне V.4, 213). Под боком у матери он проводил и первые часы жизни после того, как его приносили из бани в избу (Русские крестьяне V.3, 376, 506). В некоторых регионах считалось, что класть ребенка в колыбель возможно только после крещения и, соответственно, до крещения младенец все время проводил около матери на родительской кровати (Александров и др. 2003, 513). По ряду причин врачи осуждали такую практику. Во-первых, крайне вредным считалось дышать испарениями человеческого тела. Популярны брошюры предупреждают матерей: «Очень плохо спать между отцом и матерью, т.к. ребенок дышит испарениями взрослых и увядает от этого» (Маутнер 1856, 71). Дело в том, что до открытий микробиологии в конце XIX в. возникновение болезней и инфекций медики объясняли порчей воздуха, возникающей в результате гнилостных процессов. Согласно этой теории (она называется теорией миазмов) именно воздух был той субстанцией, посредством которой болезнь попадала в организм человека⁸. Этим объясняются настойчивые призывы врачей того времени не находиться в непрветриваемых помещениях, избегать мест скопления людей, не класть ребенка рядом с родителями и т.д. Удивительно, что идея вредности испарений человеческого тела по времени переживает теорию миазмов. Уже в советское время, когда ни у кого не оставалось сомнений в том, что возбудителями болезней являются микробы, утверждение, что нельзя дышать испарениями человеческого тела, продолжает кочевать из брошюры в брошюру.

Когда ребенок лежит вместе со взрослым, последний дышит на него, и ребенок вдыхает испорченный воздух, а также запах пота. И взрослым вредно спать вдвоем в одной постели, а ребенок слаб, ему еще вреднее (Свечарник 1929, 17)⁹.

Второй аргумент против совместного сна матери и ребенка связан с идеей о том, что мать во сне может нечаянно придавить младенца¹⁰.

по временам переменять ее. На дне колыбели должен лежать тюфячок, набитый папоротником, а сверх него, один возле другого, три тюфячка меньших размеров, набитых овсяными отрубями. Вследствие такого расположения этих верхних тюфячков, средний из них почти один только обмачивается, а потому его один скорее можно высушить, чем бы большой, равный по величине всем трем вместе» (Массе 1858, 139) Предполагается, что ребенок спит на подушке, набитой овсяными отрубями, пух для подушки не годится, потому что он «причиняет жар и через то может способствовать приливу крови к голове» (Массе 1858, 140).

⁸ О теории миазмов и ее роли в бытовых практиках второй половине XIX в. см.: Пироговская 2015.

⁹ См. об этом также: Макаева 1931, 11.

¹⁰ О «заспанных» детях и социальной практике детоубийства в России см.: Живов 2009, 370–404.

Не следует класть спящего младенца рядом с собой, чтобы не «заспать» его, что, к сожалению, встречается среди нашего простого населения (Борисов 1902, 9). Не надо забывать, что мать во сне может навалиться на ребенка и придушить его (Свечарник 1929, 17).

Мы не будем обсуждать здесь вопрос о том, насколько реальной является опасность случайно задавить младенца во сне. Для нас важно, что брошюры по уходу за младенцами, запрещая матери спать в одной постели с ребенком, указывали на эту опасность. Впрочем, далеко не все авторы считали необходимым аргументировать этот запрет. В некоторых случаях просто говорилось о том, что «это очень вредно» (Российский 1925, 2).

2.3. Баня или корыто

Еще одним моментом, относительно которого традиционная и европеизированная практики предлагают разные решения, является купание младенца. В крестьянской среде младенца обмывали после родов и парили в бане или печи. Потом ребенка крестили, а дальше его соприкосновение с водой могло носить эпизодический характер. В ряде местностей ребенка после крещения не мыли 6 недель. Считалось, что ребенок «цветет» и мыть его нельзя¹¹. А вообще младенец мылся так же, как и взрослый, один раз в неделю в бане. Конечно, по мере необходимости его ополаскивали, обливая водой, и дома (Русские крестьяне V.4, 213; VII.1, 47; VII.2, 356). Но иногда, судя по возмущению тех, кто фиксировал крестьянскую практику, не делали и этого, а наскоро вытирали запачкавшегося ребенка ветошью или сеном (Русские крестьяне V.4, 213). Корреспондент Тенишевского бюро приводит типичный ответ матери на вопрос о том, как она моет младенца: «Чего его мыть, ведь он не молотил, не запачкался» (Русские крестьяне VII.2, 356). Другой корреспондент следующим образом характеризует те гигиенические процедуры, которым подвергается ребенок, только что научившийся ходить:

Когда дитя «встанет на ноги», т.е. будет ходить, то уже он относительно питания «отстал от матери» и ест уже все, что и взрослые. В гигиеническом отношении уход за ним хуже, чем пока он был в люльке. Тут уже его моют один раз в неделю в бане и тогда же переменяют его рубашку. В течение же недели у него даже ни разу не умывают лица и рук, как делают взрослые. Благодаря постоянной грязи в избе на полу, грязному постельному «прибору», желанию дитяти «езде ползти и все брать», неумению быть аккуратным, уже за неделю у него бывает «лику не узнать», т.е. весь бывает покрыт слоем грязи, от которой тело, особенно лицо, становится «бурым», а рубашка серая (Русские крестьяне V.4, 213).

¹¹ Корреспондент Тенишевского бюро следующим образом комментирует глагол «цвести»: «появляется мелкая красноватая сыпь, вероятно, от грязи» (Русские крестьяне VII.4, 113).

Образованное общество воспринимало грязного ребенка как что-то ненормальное. Неудивительно, что в книгах и пособиях по воспитанию вопросу мытья, купания уделяется особое место. Европейская традиция не знала мытья в бане. А поскольку гигиенические рекомендации воспроизводили европейский опыт, упоминания о бане в них отсутствовали, но иногда говорилось о печи как об альтернативе бани¹². Мытье детей в печи упоминалось как варварская, подлежащая искоренению практика. Указывалось, что втаскивать маленького ребенка в горячую печь нельзя ни при каких обстоятельствах. (Михайлов 1888, 27). При этом обязательным считалось ежедневное мытье ребенка в корыте¹³

Любопытно, что в традиционной русской культуре существовало представление, что купание ведет к простуде. В брошюре, автором которой является врач, читаем:

Чаще всего встречаешься с ложным, но очень упорным мнением, что 1) купать можно только совершенно здоровых детей и то только в хорошую погоду 2) что есть дети, которые купаться не переносят, т.е. захварывают всякий раз, как их выкупают (Буховцева 1882, 44).

Пособия для матерей борются с этим представлением, разъясняя, что купание никак не может повредить ребенку¹⁴.

Отдельно надо сказать о температуре воды при купании детей. Мысль о том, что детей следует приучать к холодной воде, встречается уже у Руссо. Эту идею достаточно последовательно проводят авторы переводных брошюр¹⁵, в то время как русские дореволюционные авторы не настаивают на пользе холодной воды для младенцев. Рассуждения о необходимости закаливания младенцев появляются лишь в брошюрах советского времени. Между тем

¹² В некоторых регионах России бани не были распространены. Функции бани принимала на себя печь. (Топорков 2009, 39).

¹³ С гигиенической точки зрения предпочтение корыта бане кажется весьма сомнительным. Крестьянское корыто изготовлялось из дерева. Отмыть деревянное корыто до стерильной чистоты сложно. Учитывая, с какой настойчивостью авторы популярных книг пишут, что в корыте, предназначенном для купания ребенка, нельзя ни стирать, ни хранить грязное белье, можно предположить, что эти рекомендации не соблюдались (Буховцева 1882, 46; Российский 1925, 19–22; Лангштейн 1926, 44; Свечарник 1929: 14; Макаева 1931, 13). Дореволюционные авторы специально проговаривают, что детей, больных опасными болезнями, такими как кровавый понос, оспа, венерические болезни, следует мыть в отдельном корыте. (Михайлов 1888, 26).

¹⁴ В вопросах того, как часто надо купать и как долго ребенок должен находиться в воде, авторы популярных пособий не проявляют никакого единодушия. Одни считали, что ребенка следует купать один раз в день (Михайлов 1888, 24; Лангштейн 1926, 44; Макаева 1931, 13), другие – что до полугодия лучше купать два раза в день, а потом один (Буховцева 1882, 45). Некоторые не настаивали на ежедневном купании, но объясняли при этом, что для здоровых детей вреда никакого не будет (Массе 1858, 164). Такой же разнотой мнений обнаруживается и по вопросу, как долго длится купание (Российский 1925, 19–22; Лангштейн 1926, 44; Макаева 1931, 15).

¹⁵ См., например, Маутнер 1856, 65–67.

свидетельство о моде на закаливание взрослых людей мы обнаруживаем уже у Пушкина:

Прямым Онегин Чильд-Гарольдом
Вдался в задумчивую лень:
Со сна садится в ванну со льдом,
И после, дома целый день (глава 4, XVIV).

Ю. М. Лотман указывал на то, что эти строки имеют автобиографический характер, т.к. имеются мемуарные свидетельства о том, что сам Пушкин по утрам купался в ванне со льдом (Лотман 1995, 643).

3. Поле столкновений культурных традиций

Различия в практиках ухода за младенцем, которые были описаны выше, далеко не единственные. Сюда можно добавить еще много других позиций: это вопросы, как одевать младенца, как кормить (по требованию или по часам), вопросы прикорма, прогулок с ребенком, проветривания помещения и т.д. Практика родов также существенно различалась в традиционной культуре и в том варианте культуры, который был ориентирован на европейскую норму. Однако не надо думать, что эти бытовые уклады существовали изолированно и не пересекались друг с другом. Культуртрегерская деятельность представителей образованных классов была очевидной и, в частности, она породила большое количество литературы для народа, посвященной вопросам медицины, гигиены и уходу за детьми. Однако не нужно думать, что влияние было однонаправленным. Институт кормилиц способствовал тому, что в домах состоятельных и ориентированных на европейские стандарты людей в детских царили порядки, далекие от тех, которые пропагандировали авторы медицинских брошюр.

Прежде, чем мы рассмотрим практику выбора кормилицы и проблемы взаимодействия с ней, нужно будет остановиться на естественном вопросе, почему женщины, принадлежащие к состоятельным классам, в XIX в. не кормили сами своего ребенка. Это вступает в противоречие с интенцией, выраженной в многочисленных пособиях для матерей. Авторы всех известных нам пособий рассматривают кормление ребенка его матерью как несомненное благо. Популярные книги призывают матерей отказаться от услуг кормилиц и самостоятельно кормить своих детей. Для доказательства этого используются как рациональные аргументы, так и эмоциональные. С одной стороны, необходимость грудного вскармливания доказывается апелляцией к физиологическому устройству человека и вообще млекопитающих.

Мы [...] должны будем прежде всего решить вопрос о том, чем именно должно кормить новорожденного ребенка. Впрочем, решение этого вопроса не представляет ни малейших трудностей, потому что в этом отношении природа не поспешила на указания; так, например, ребенок рождается без зубов, в грудях матери появляется молоко, которое, если мать не дает ребенку отсосать его, начинает сильно беспокоить ее. С другой стороны, мы видим, что все млекопитающие кормят своих детенышей грудью, при этом не трудно уже предположить, что и женщине природа дала груди, полные молока, для того, чтобы она кормила этим молоком своих детей (Манассеина 1870, 101).

С другой стороны, врачи могут обращаться к чувствам матери и говорить о том, что кормление грудью – это выражение любви.

С какой бы стороны мы ни посмотрели на дело, мы видим одно, что всякая мать, если только она любит своего ребенка, должна кормить его сама. А между тем, это обязательное требование для всякой матери, к сожалению, настолько ненавидимо нашими матерями, что врачу приходится бесплодно тратить время на убеждение их, чтобы они само кормили своих детей (Ван-Путерен 1892, 14).

Очевидно, что женщины не всегда следовали этой рекомендации. Во-первых, если бы кормление грудью было повсеместной практикой, вопрос о долге матери в популярных пособиях просто бы не ставился. Во-вторых, сразу за разделом о том, как прекрасно, когда мать сама кормит свое дитя, в этих брошюрах следовал раздел, посвященный выбору кормилицы, в котором содержались не абстрактные рассуждения, а вполне конкретные советы.

Согласно исследованию А. В. Беловой (2014), в начале XIX в. некоторые дворянские женщины принимали решение самостоятельно кормить своего ребенка под влиянием художественной литературы. Так, большое впечатление на молодых дворянок производила повесть Бернардена де Сен-Пьера «Поль и Виргиния». В этой повести героини госпожа де-ла-Тур и Маргарита, подруги, вынужденные в силу обстоятельств самостоятельно заботиться о себе, кормят грудью своих маленьких детей и даже периодически меняются детьми: получается, что каждая кормит двоих (Бернарден де Сен-Пьер 1937, 23). Но идея, что жизнь отражает литературу, все же не была повсеместной и разделяли ее, прежде всего, женщины, стремящиеся к самореализации.

На определенном этапе жизненного цикла кормление грудью воспринималось некоторыми дворянками как своеобразная сфера самореализации, не менее значимая, чем, например, организация светского раута (Белова 2014, 420–421).

И все-таки преобладающее большинство, безусловно, пользовалось услугами кормилицы. Почему же дворянки, хотя и хотели быть похожими на героинь

сентиментальной повести и читали рассуждения «Рыцаря нашего времени» Карамзина, где содержалось описание идеальной матери, которая является для ребенка одновременно и кормилицей¹⁶, в массе своей не стремились самостоятельно кормить грудью своего младенца?

Обычно авторы пособий, адресованных молодым матерям, сначала рассуждают о пользе грудного вскармливания, а затем, оговорившись, что иногда женщина по слабости не может кормить, продолжают рекомендации, уже исходя из того, что именно эта слабость и является нормой (Маутнер 1856, 76–77; Мохначева 1903, 37). Трудно представить, что все крестьянки могут кормить своего ребенка, а почти все дворянки не имеют достаточного для этого здоровья. Очевидно, что здесь мы имеем дело с идеей, а не с физиологической реальностью: дворянка считает себя слабой и общество воспринимает ее таковой. Лотман отмечал, что в начале XIX в. физическое здоровье перестало восприниматься как ценность. «С приближением эпохи романтизма мода на здоровье кончается. Теперь кажется красивой и начинает нравиться бледность – знак глубины сердечных чувств. Здоровье же представляется чем-то вульгарным» (Лотман 1994, 51). Культурные стереотипы заставляли женщин видеть в естественной послеродовой слабости принципиальное нездоровье и неспособность кормить младенца¹⁷. Кормилица становилась единственно возможным выходом из сложившейся ситуации.

Кормилицы как массовое явление появились в России в процессе европеизации русской элиты. Они были такой же характерной чертой эпохи, как европейские платья, прически, бритье бород и интерьеры жилых помещений. (Лотман 1994, 51). При этом заимствуется не только институт кормилиц, но и тексты, критикующие этот институт. Уже Руссо критиковал практику, при которой младенца кормит не мать, а посторонняя женщина: «Женщина, которая кормит чужого ребенка вместо своего, дурная мать: как же может она быть хорошей кормилицей?» (Руссо 1866, 9). Среди популярных брошюр по уходу за ребенком, переводы с европейских языков составляли примерно половину. Их авторы, транслируя европейский взгляд на институт кормилиц,

¹⁶ «Тогда не было еще «Эмилия», в котором Жан-Жак Руссо так красноречиво, так убедительно говорит о священном долге матерей и читая которого прекрасная Эмилия, милая Лидия отказываются ныне от блестящих собраний и нежную грудь свою открывают не с намерением прельщать глаза молодых сластолюбцев, а для того, чтобы питать ею своего младенца; тогда не говорил еще Руссо, но говорила уже природа, и мать героя нашего сама была его кормилицей. Итак, не удивительно, что Леон на заре жизни своей плакал, кричал и немог реже других младенцев: молоко нежных родительниц есть для детей и лучшая пища, и лучшее лекарство» (Карамзин 1964, 758–759).

¹⁷ И даже в 20-х годах XX в. еще была распространена идея о том, что образованная женщина не имеет физической возможности кормить своего ребенка: «Почему же, однако, в настоящее время не все матери кормят своих детей грудью? [...] В качестве оправдания для матерей, не кормящих грудью своих детей, говорят о недостатке молока, а также приводят мнение о прогрессирующем физическом вырождении человеческой расы за счет все увеличивающегося духовного развития» (Лангштейн 1926, 15).

отзывались о нем весьма нелестно. Вот, например, размышления немецкого врача, опубликованные в русском переводе в 1870 г.:

Самый институт кормилиц – недостойный торг людьми, ограбление бедного ребенка богатым, который, так сказать, из уст бедного младенца выдергивает пищу, предназначенную ему самим Богом. [...] Известно, что у нас в Германии кормилицы большей частью принадлежат к сословию служанок и притом незамужних; известно также, что забота о насущном хлебе вынуждает этих матерей как можно скорее после разрешения от бремени искать приюта и заработков в чужих людях. И если такая женщина поступит в дом кормилицей, то будет выигрыш хоть для чужого младенца – выигрыш, которого во всяком случае собственный ребенок их всегда лишен¹⁸ (Вертэйбер 1870, 34–35).

К XX в. отношение к институту кормилиц становится еще более резким. В книге проф. Лангштейна, также переведенной с немецкого, но уже в 20-е годы XX в., находим жесткое осуждение этого общественного института:

Если врач находит, что мать не в состоянии кормить грудью своего ребенка, то является вопрос, не следует ли взять кормилицу. Это опять-таки должен решать врач. Но мать должна помнить, что она берет на себя тяжелую ответственность, если возьмет кормилицу в то время, когда сама в состоянии кормить грудью своего ребенка. Ведь таким образом нуждающаяся женщина-кормилица лишает своего ребенка из-за денег материнской груди, на которую он имеет законное право. Таким образом, благополучие богатого паразита часто стоит жизни другому ребенку. Только врач может решить, нужна ли кормилица, и он примет также меры, чтобы по возможности лучше охранить интересы ребенка кормилицы. Эта охрана лучше всего выражается в том, что мать принимает кормилицу вместе с ее ребенком, и та, таким образом, кормит обоих детей сразу¹⁹ (Лангштейн 1926, 22–23).

Пособия по уходу за младенцами много страниц посвящают проблеме выбора кормилицы. Какими же были критерии выбора? Большое внимание уделялось антропологическим особенностям будущей кормилицы:

¹⁸ Если говорить о русских реалиях, то положение собственного ребенка кормилицы было очень тяжелым. В сельском поместье она могла кормить дворянское дитя вместе со своим. В городе же не было принято брать в дом кормилицу с ребенком и, в лучшем случае, она отправляла младенца к родным в деревню, а в худшем – отдавала в Воспитательный дом. В последнем случае шансов выжить у младенца была немного. В XVIII в. младенческая смертность в воспитательных домах составляла 89%, и лишь к началу XX в. ее удалось значительно снизить (Ерошкина 1994).

¹⁹ Советские издатели добавили к этому пассажиру следующее любопытное примечание: «В СССР труд кормилицы, как труд всякого трудящегося, находится под охраной закона; кормилица заключает с работодателем точный договор, регулирующий их взаимоотношения» (Лангштейн 1926, 23).

Женщина худощавая, высокого роста, которой грудь недостаточно развита, которой чрезвычайная белизна кожи совпадает с темным цветом волос, у которой широки челюсти и пр., не годится в кормилицы (Массе 1858, 79).

Также существовало мнение, что брюнетки как кормилицы лучше блондинок, а хуже всех – женщины с рыжими волосами²⁰. Другие авторы оспаривали эти заявления и утверждали, что цвет волос и телосложение на качество молока не влияют. (Мохначева 1903, 38). Но все сходились на том, что у кормилицы (как у лошади) следует проверять зубы, потому что зубы говорят о здоровье женщины и качестве молока. (Жиро 1794, 13–14; Массе 1858, 79; Аммон 1892, 22; Мохначева 1903, 37).

Институт кормилиц крайне затруднял внедрение европейских практик воспитания детей. Кормилица принадлежала к иному социальному слою, чем родители ребенка. Единственно возможными она считала традиционные крестьянские практики, а модные теории ухода за младенцами воспринимала с недоумением, а то и враждебно. При этом кормилица проводила с ребенком куда больше времени, чем мать, и ее влияние на быт детской часто оказывалось определяющим. Это превращало «перевоспитание» кормилицы в серьезную социальную проблему. В медицинских пособиях появился специальный раздел, где матерей учили правильному общению с кормилицами. Приведу два примера такого рода наставлений.

Нигде, быть может, нет такой массы нелепых и вредных предрассудков, как в детской, кормилица имеет полную возможность приведения их в жизнь, если за ней буквально день и ночь не следит подозрительное око матери. Делание соски, сование груди ребенку при малейшем крике, закачивание, укладывание с собой в постель, растирание половых органов ребенка с целью успокоения, употребление разных секретных успокоительных порошков и настоев (мак) и проч. – все это мы встречаем ежедневно, и мать употребляет все свое старание на отучение кормилицы от подобных приемов. Но это отучение нелегко дается, так как кормилица смотрит на эти запрещения, как на прихоть родителей, вредящую ребенку, и при удобном случае пустит свои приемы в ход (Ван-Путерен 1892, 7). Попробуйте, например, внушить кормилице, что ребенка здоровее кормить правильно, через известные промежутки времени, или что его вредно класть спать с собой на одну кровать. Скрепя сердце, она будет слушать вас, но как только вы отвернетесь, она сунет ребенку грудь при первом писке; если она знает, что вы не входите ночью в детскую, она приучит ребенка спать с собой, и это не от нравственной испорченности, как думают матери, а от того, что кормилица глубоко убеждена, что все, что от нее требуют, не что иное, как барские выдумки, вредящие процветанию ребенка. В самом деле, ни она, ни ее близкие никогда ничего подобного со своими детьми не проделывали и дети, несмотря на то,

²⁰ См., например, Жиро 1794, 13–14; Аммон 1892, 20.

были живы (половину умерших не считают) и здоровы, и потому понятно, что большинство кормилиц при первой возможности будет поступать согласно своим убеждениям (Буховцева 1882, 9).

Приведенные фрагменты находятся в книжках, которые были составлены врачами, имеющими практику в России. Это не переводы, а тексты, учитывающие русские реалии. Любопытно, что в книгах, переведенных с европейских языков, вопрос о том, что кормилица все сделает по-своему и неправильно, не ставится (см.: Маутнер 1856, 76–134; Лангштейн 1926, 22–24).

4. Преодоление культурной разнородности.

Риторические стратегии борьбы с традиционной практикой

В истории России приобщение крестьян, составлявших подавляющее большинство населения страны, к практикам образованных сословий было важнейшей частью модернизации страны. Борьба за права податных сословий шла бок о бок с уничтожением традиционного уклада и внедрением в крестьянскую среду бытовых стандартов европеизированной дворянской культуры. В этом контексте следует рассматривать и конфликты «крестьянской» и «европейской» медицинских практик. Как медики, так и внимавшие им представители образованных классов весьма резко оценивали традиционный уклад, не знавший правил гигиены и основ позитивистской медицины. Поэтому описания крестьянских практик всегда имеют отрицательную окраску. Даже корреспонденты Тенишевского бюро (учителя, церковнослужители, мелкие провинциальные чиновники), которые были близки к тому крестьянскому быту, который они описывали, не свободны от этого распространенного взгляда. В качестве иллюстрации приведем лишь один пассаж, где корреспондент Тенишевского бюро, описывая жизнь деревенских детей, весьма эмоционально выражает свое удивление тем, что дети вообще выживают.

Понятно, что громадное большинство детей бывает «неспокойно», т.е. «режут и день и ночь», много выходит золотушных, с предрасположением к разным болезням, нередки и физические уродства, благодаря подобному первоначальному воспитанию. Поистине нужно удивляться, что при таких условиях начальной жизни большинство остающихся в живых бывают здоровы, сильны, крепки (Русские крестьяне V.4, 213).

Общественные движения, возникшие после александровских реформ, ставили перед собой задачу переучивания крестьян и приближения их бытового уклада, мировоззрения и менталитета к дворянскому. И большевистскую культурную

революцию следует рассматривать как продолжение этого просветительского движения. Однако риторические стратегии, которые использовали дореволюционные пропагандисты «правильного» ухода за новорожденными, радикально отличались от послереволюционных. В этой связи интересно сравнить систему аргументации, используемую в дореволюционных книгах для народа и в послереволюционных.

4.1. Дореволюционная литература для народа

Дореволюционные авторы старались избегать огульного отрицания традиционного уклада. Поэтому они пытались говорить на языке крестьян и строить, исходя из собственного видения крестьянской жизни, такие доказательства, какие будут поняты и приняты. Моделировался гипотетический диалог, в котором просвещенный горожанин парировал высказывания крестьянина набором стандартных клише («но без труда не вынешь рыбку из пруда», «что посеешь, то и пожнешь» и т.п.). Вот пример подобного гипотетического диалога:

Многие говорят, что жизнь и смерть в руках Божиих, что если Богу угодно – дети будут живы и здоровы и без нашего мудрствования, и что если детям суждено Богом заболеть или умереть – то никакие хитрости не помогут. В таких словах правда смешана с неправдой. Спору нет, что на все воля Бога, но надо понимать ее хорошенько, а не думать о ней зря: на то Бог и разум нам дал. Если Бог повелел нам кормиться трудами рук своих от земли, то ведь никто не станет думать, что без нашего труда и земля вспашется, и зерно посеется, и сожнется, и смолится, и хлебы спекутся, а мы только глотать их будем (Михайлов 1888, 3–4).

Примерно таким же образом может строиться гипотетический диалог о верности традиции.

Многие и говорят также, что отцы и деды так не делали. А возрастили же, слава Богу, своих детей. Тут тоже правда смешана с неправдой. Правда тут та, что надо внимательно слушать, что говорили и делали наши отцы и деды, потому что недаром же они прожили на свете. А неправда в том, что нам не нужно говорить и делать без разбора все, что говорили и делали отцы и деды, а только то, что они делали разумно и по Божьи. [...] Кто знает, сколько детей заболело и умирало у отцов и дедов наших по их незаботливости или неумению и сколько детей перекалечилось из-за этого? И если мы знаем, отчего у них дети заболели и умирали, узнаем их ошибки, то сможем сами уберечься от этих ошибок (Михайлов 1888, 4–5).

Очевидно, что автор этой брошюры, в отличие от тех, кто писал книги для образованной аудитории, не обличал крестьянский быт и традиции. Он

пытался говорить с крестьянином на равных, строя доказательства своей правоты так, чтобы они не раздражали читателя.

4.2. Послереволюционная литература для народа

После революции, когда задачей новой культурной политики стало создание единого общества, лишённого сословных стереотипов, советы крестьянкам и работницам по уходу за младенцами перестали носить рекомендательный характер. Риторическая стратегия обращения к народу стала другой. Теперь господствовало не убеждение, а предписание: на смену советам и рассуждениям пришла обязательная к исполнению инструкция. Вот как, например, заканчивается одна из книжек по грудному вскармливанию, адресованная крестьянкам:

Если матери будут исполнять в точности все, что указано в этой книжке, то они вырастят здоровых и крепких детей, которые в будущем будут помогать им в их трудовой крестьянской жизни (Российский 1925, 31).

Принуждение к новым принципам ухода за младенцами шло в общей струе большевистской борьбы за новый быт.

Существенным отличием медицинского просвещения от других большевистских просветительских мероприятий (таких, как борьба за грамотность, организация политехб или атеистическая работа) было то, что людей с медицинским образованием в первые годы советской власти в деревне было крайне мало. Медиаторами, при помощи которых новая идеология и новый быт должны были прийти в деревню, считались учителя. Деликатность ситуации состояла в том, что учителя не были компетентны в вопросах родовспоможения и ухода за новорожденным, да и авторитет их в этих вопросах был существенно меньшим, чем у повивальных бабок. В связи с этим, с одной стороны, требовалось найти людей, способных донести до крестьян актуальную для власти медицинскую информацию, а с другой – изобрести методики, позволяющие людям, не имеющим того авторитета, которым обладали врачи, проповедовать от имени прогрессивной медицины. Авторы популярных брошюр предлагали вести такие занятия учителям, «красноугольцам» (т. е. лицам, отвечавшим за «красный уголок», место, отведенное для нужд политпросвещения и агитации) и «избачам» (лицам, возглавлявшим избучитальню). При этом предполагалось, что эти лица ни в коем случае не будут говорить от себя, а будут зачитывать соответствующие медицинские брошюры²¹.

²¹ В традиционной культуре текст, прочитанный по книге, обладает большим авторитетом, чем импровизированный текст. Имеются свидетельства, что крестьяне требовали от священника,

В случае возникновения вопросов их предлагалось записывать, передавать для ответа медикам и зачитывать ответы на следующем занятии. Для закрепления материала могли использоваться агитационные стихи (Свечарник 1929, 3–5). Вот, например, отрывок из драматургического произведения в стихах «Гигиена грудного ребенка», которое должно было служить агитационным целям:

Руководитель. Вот есть тут у нас две мамыши... Поют так, что слушать любо, что две пташки заливаются. Доставьте полное удовольствие товарищам.

1-я мать. Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю
Грудь свою я ежечасно
В рот тебе сую.

Руководитель. От ежечасной еды, чай, и взрослому не поздоровится, а младенцу и подавно.

2-я мать. Спи, младенец мой приятный,
Спи, моя краса,
Грудь даю я аккуратно
Через три часа.

Руководитель. А эта, видать, сознательная, докторов слушает [...]

1-я мать. Туго, туго я свиваю
Деточку мою,
Целый день тебя качаю,
Баюшки-баю.

Руководитель. Ишь злодейка! По рукам и ногам свяжет младенца и трясет его, как утопленника. Нет, милая, этак и здорового ребенка не вырастишь, нет.

2-я мать. Весь наряд твой распашонка
Да пеленочка,
И не связана ручонка
У ребеночка.

Руководитель. Вот, это дело! И дышать ребенку свободно, и растет он правильно (Свечарник 1929, 27–29).

Интересно, что при обращении к крестьянкам и фабричным работницам использовалась разная аргументация. Если для крестьянки особенности ухода за младенцем объяснялись примерами из жизни поросят и телят, то для фабричных работниц использовалась метафора «человек-машина». Приведем пример из книги М. А. Арони, адресованной работницам заводов и фабрик:

Известно, что всякая машина требует за собой ухода для того, чтобы она не портилась, для того, чтобы она исправно работала. Всякий станок на заводе нуждается в хорошем присмотре, в смазке его частей и требует исправного

чтобы он не беседовал с ними, а читал «от Писания». И священнику приходилось проводить беседу, глядя в какую-то книгу, не имеющую отношения к делу (Кравецкий 2012, 129).

состояния всего механизма. Если вовремя не почистишь и не смажешь швейную машину, она также не сможет исправно работать, правильно шить. Человек – тот же механизм, но механизм живой, поэтому по отношению к нему тем более требуется выполнение различных правил, от которых зависит исправное состояние человеческого тела. Эти правила необходимо выполнять по отношению ко всем частям человеческого тела, или, как говорят, ко всем его органам. [...] Такие правила и даются наукой, которая называется гигиеной человека [...] Ребенок такой же сложный механизм, как и взрослый, его тело представляет собой как бы маленькую модель тела взрослого человека. Поэтому по отношению к ребенку тем более важно исполнять правила ухода за ним, для того чтобы сохранить маленького человечка в здоровье и вырастить из него полезного гражданина (Арони 1925, 3–4).

Сравнение человека с механизмом – характерный прием книг, адресованных работницам фабрик. Вот как женщинам объясняется процесс выработки молока в груди.

Как видите, грудь представляет собой вполне налаженную фабрику, в которой производительность труда растет с каждым днем (речь идет о том, что после родов у женщины каждый день становится все больше и больше молока. – А. П.). Познакомимся вкратце с устройством этой фабрики. Грудь женщины так же, как и вымя коровы, представляет собой железу, которая вырабатывает молоко. [...] Внутреннее устройство груди сложное: во всех ее частях вырабатывается молоко, которое стекается в малые ручейки – протоки; эти – в большие ручьи; большие ручьи стекаются в один большой проток, который имеет выход к соску. Ребенок сосет сосок и работает своими губами, как насосом; от этого из всех ручейков насыщается молоко, которое и стекает через общий поток струйками прямо в рот ребенку (Арони 1925, 13).

5. Выводы

Среди повседневных практик, которые должны быть проанализированы в ходе работы по написанию социальной истории России, практики, связанные с рождением ребенка и уходом за ним занимают важное место. Их анализ у представителей разных социальных страт российского общества дает возможность проследить, какие меры образованные сословия принимали для того, чтобы превратить свой бытовые стандарты в общенациональные. Внедрение идей европейской медицины в российскую повседневность органично входило в число мер, необходимых, по мнению российских прогрессистов, для европеизации народного быта.

Если влияние образованных социальных групп на народную жизнь происходило в результате сознательной культуртрегерской деятельности, то влияние крестьянских бытовых традиций на жизненный уклад образованных сословий носило непосредственный характер. Повсеместное распространение кормилиц, которые принадлежали к иной социальной группе, чем родители ребенка, приводило к тому, что, несмотря на сопротивление родителей, крестьянские практики ухода за детьми (укачивание, соска, совместный сон и т.д.) использовались достаточно активно.

Библиография

- АЛЕКСАНДРОВ, В. А./ВЛАСОВА, И. В./ПОЛИЩУК, Н. С. (ред.) (2003), Русские. Москва.
- АЛЬБРЕХТ, Г. (1894), Кормление детей первого года жизни. Санкт-Петербург.
- АММОН, Ф. (1892), Золотая книжка. Гиена беременности. Обязанности матери. Уход за маленьким ребенком. Сочинение д-ра Ф. Аммона, бывшего лейб-медика короля саксонского. Санкт-Петербург.
- АРОНИ, М. А. (1925), Уход за ребенком грудного возраста в рабочей семье с приложением практических советов матери работнице. Харьков.
- БЕЛОВА, А. В. (2014), Четыре возраста женщины. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. Санкт-Петербург.
- БЕРНАРДЕН ДЕ СЕН-ПЬЕР, Ж.-А. (1937), Польша и Виргиния. Индийская хижина. Москва / Ленинград.
- БОРИСОВ, М. (1902), Постель новорожденного. Санкт-Петербург.
- БУХОВЦЕВА, В. И. (1882), Уход за грудными детьми. Советы матерям женщины-врача В. И. Буховцевой. Саратов.
- ВАН-ПУТЕРЕН, М. Д. (1892), Значение и способы искусственного вскармливания детей. Публичная лекция, читанная в пользу пострадавших от неурожая 8 марта 1892 года. Санкт-Петербург.
- ВЕРТЭЙБЕР, А. (1870), Кормление новорожденных и грудных детей матерью, кормилицей и рожком. Болезни детей и уход за ними. Общепонятно изложено доктором А. Вертэйбером. Москва.
- ДАЛЬ, В. И. (1994), Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. Москва.
- ЕРОШКИНА, А. Н. (1994), Воспитательные дома. В: Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Т. 1. Москва, 464.
- ЖИВОВ, В. М. (2009), Заспанные младенцы и матери-детоубийцы: из истории слов и понятий. В: Живов В. М. (ред.), Очерки исторической семантики русского языка раннего нового времени. Москва.
- ЖИРО, Ж. (1794), Карманная книжка для чадолюбивых матерей, содержащая полезные советы и наставления, нужнейшие к исполнению при воспитании их детей, как то: о выборе кормилиц; о присмотре и хождении за новорожденным. Москва.
- КАРАМЗИН, Н. М. (1964), Избранные сочинения. Т. 1. Москва / Ленинград.
- КРАВЕЦКИЙ, А. Г. (2012), Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). Москва.
- ЛАНГШТЕЙН, Л. (1926), Мать и дитя. Руководство для матерей по вскармливанию и уходу за грудным ребенком. Москва.
- ЛОТМАН, Ю. М. (1994), Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). Санкт-Петербург.

- ЛОТМАН, Ю. М. (1995), Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. Санкт-Петербург.
- МАКАЕВА, М. А. (1931), Грудной ребенок. Уход и вскармливание. Тифлис.
- МАНАСЕИНА, М. М. (1870), О воспитании детей в первые годы жизни. Санкт-Петербург.
- МАССЕ, Н. (1858), О физическом воспитании детей в период их первоначального развития или наставление матерям ходить за ними в это время, и вообще о наблюдении за ними во все продолжение их младенческого периода и отнятия их от груди. Николая Массе, доктора медицины Парижского факультета, кавалера ордена 1-го класса Св. Гроба Господня и практикующего врача в Москве. Москва.
- МАУТНЕР, А. В. (1856), Руководство к правильному воспитанию детей в первом возрасте. Санкт-Петербург.
- МИХАЙЛОВ, Н. Ф. (1888), Советы матерям об уходе за грудными детьми примененные к крестьянской жизни. Владимир.
- МОХНАЧЕВА, М. Ф. (1903), Записки по уходу за здоровыми детьми. Санкт-Петербург.
- ПИРоговская, М. М. (2015), Запахи как миазмы, симптомы и улики: к проблеме сциентизации быта в России второй половины XIX века. В: Новое литературное обозрение. 135, 140–169.
- Русские крестьяне I–VII (2004–2008), Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя Тенишева. Т. I–VII. Санкт-Петербург.
- РУССО, Ж. Ж. (1866), Собрание сочинений. Т. 1. Теория воспитания. Санкт-Петербург.
- РОССИЙСКИЙ, Д. М. (1925), Советы крестьянским матерям по вскармливанию и уходу за грудными детьми. [Издание Г. Ф. Мириманова. Популярно-научная библиотека. Отдел медицины]. Москва.
- СВЕЧАРНИК, Б. (1929), Беседы с нянями-подростками в избах читальнях и красных уголках. Ленинград.
- ТОПОРКОВ, А. Л. (2006), Печь. Славянские древности. В: Толстой, Н. И. (ред.), Этнолингвистический словарь. Москва, 4, 39–44.

